Две недели пролетели как один миг, и не успел Бруно оглянуться, как его уже вынесли за дверь и отправили в Китай. Как он уже подозревал, война, по большей части, уже закончилась к моменту его прибытия.

Когда он высадился на берег в Северном Китае, династия Цин уже была вынуждена подчиниться Альянсу восьми наций. Несмотря на это, 15 000 немецких солдат из Восточно-Азиатского экспедиционного корпуса все же были направлены в Китай, чтобы помочь стабилизировать обстановку в охваченном войной регионе и тем самым подавить остатки Боксерского восстания.

Борьба с повстанцами — единственное, в чем Бруно имел реальный боевой опыт. В прошлой жизни он был направлен в Афганистан именно с этой целью. И он был уверен в своей способности выполнять эту роль в случае необходимости.

Бруно был назначен в Восточно-Азиатский экспедиционный корпус в качестве пехотного офицера. И, естественно, его форма отражала это. Нынешние мундиры все еще были прусского голубого цвета, поскольку серые варианты еще не появились и станут стандартными только через несколько лет.

Обычно пехотный офицер этой эпохи вооружался шпагой и пистолетом. Но учитывая, что отец Бруно добился своей цели — попал в комитет Бундесрата по сухопутной армии и фортификации. Бруно использовал свои семейные связи, чтобы получить винтовку.

«Gewehr 98» была стандартной винтовкой для Имперской немецкой армии того времени. И это было отличное оружие. Винтовка заряжалась через обоймы во внутренний магазин на пять патронов. «Gewehr 98» могла уничтожить противника на расстоянии 1000 метров благодаря мощному патрону «7,92x57 мм Mauser».

Конечно, чтобы совершить такой подвиг, нужно было обладать безупречным зрением и меткой стрельбой. Так получилось, что Бруно обладал и тем, и другим. В дополнение к «Gewehr 98» Бруно получил в свои руки пистолет «Modell 1900 Parabellum». Более известный как 9-мм Люгер.

Благодаря этому он был необычайно хорошо экипирован для пехотного офицера, шедшего во главе своего взвода по китайской сельской местности. Прошло уже две недели с тех пор, как он ступил на территорию Северного Китая, и до сих пор все, что он мог делать, — это выполнять обязанности прославленного часового.

Без особого разрешения ему не разрешалось выходить за пределы базы. И после двух недель такой службы ему изрядно надоело жить. К счастью для него, накануне вечером командир роты объявил, что рано утром их подразделение отправится в карательную экспедицию в район, хорошо известный боксерской активностью.

Кроме Бруно, командиром взвода в его роте был его старый друг Генрих из Академии. Они шли бок о бок, покуривая, и болтали о своих взглядах на происходящий конфликт и на пустошь, по которой они шли.

— Без сомнения… Это место было основательно разграблено Альянсом Восьми Наций и его силами.

Генрих кивнул головой в знак согласия с оценкой Бруно ситуации. То ли перед ними было другое немецкое подразделение, то ли одна из других Великих держав, но в деревне, к которой они шли, в воздухе отчетливо ощущался дым. Мужчина сделал затяжку сигареты, прежде чем высказать свои мысли по этому поводу.

— Сколько вы хотите поставить на то, что это были русские? До меня дошли слухи от Эриха. Его уже дважды отправляли в патруль, и оба раза он натыкался на разграбленный русскими город. Мы говорим о трупах на улицах, о домах, разграбленных дочиста. А женщины… У меня сердце кровью обливается, когда я слышу, что с ними происходит…

Бруно затянулся сигаретой и выдохнул струйку дыма. Прошел всего год с тех пор, как была подписана первая из Гаагских конвенций. Это была эпоха, когда военные преступления были совсем недавним понятием.

Однако все великие державы подписали и ратифицировали эту конвенцию и содержащиеся в ней положения о защите военнопленных и гражданских лиц. А также другие положения о ведении войны. Китай этого не сделал.

А поскольку Великие державы были заинтересованы в том, чтобы те, кто не подписал или не ратифицировал Гаагские конвенции, не были защищены их правилами. Именно поэтому Бруно более бессердечно относился к предполагаемым зверствам русской армии.

— Как это ни прискорбно. Китайцы действительно виноваты только сами. Если бы они, как и все мы, ратифицировали Гаагские конвенции, подобные действия считались бы военными преступлениями и виновные понесли бы ответственность за свои поступки. Как бы мне ни было неприятно это говорить, самое большее, что мы можем сделать, — это соблюдать правила войны, даже если наши союзники предпочитают этого не делать. Мы не генералы и не главы государств. Нравится нам это или нет, но у нас просто нет власти или полномочий, чтобы заставить наших союзников придерживаться тех же стандартов, которых придерживаемся мы сами.

Хотя Генрих мог понять его чувства, он гораздо больше сочувствовал жертвам войны, чем Бруно. Однако Бруно был не из тех, кого волнуют жертвы среди мирного населения на поле боя.

В своей прошлой жизни он видел, к каким последствиям приводит то, что высшее командование ставит во главу угла уменьшение сопутствующего ущерба в ущерб полной победе. И результаты были не самые лучшие. Если бы речь шла о том, чтобы раз и навсегда

покончить с Боксерским восстанием, то он, во что бы то ни стало, отдал бы приказ обстрелять целую деревню, если бы повстанцы использовали ее в качестве базы для своих операций.

С точки зрения Бруно, такая решимость была необходима для победы в войне. В противном случае можно было просто потерпеть неудачу. Генрих явно не понимал такой точки зрения на ведение войны, поскольку знал, что у этого человека нет никакого практического боевого опыта, несмотря на то, что он офицер. По крайней мере, на данный момент.

Пока Бруно и Генрих непринужденно болтали, вдалеке раздалось эхо выстрелов. Это заставило их и всех их людей немедленно насторожиться. Не прошло и секунды после выстрелов, как командир роты отдал приказ Бруно и его людям разведать местность и выяснить, что именно происходит в деревне.

— Лейтенант, возьмите свой взвод и организуйте наблюдательный пункт. Я хочу знать, что происходит в деревне, прежде чем мы войдем в нее! Доложите мне, когда подтвердите ситуацию!

Бруно кивнул головой и отсалютовал капитану, ответив утвердительно, а затем повел сорок с лишним человек под своим командованием выполнять приказ.

— Есть, сэр!

Сказав это, Бруно побежал с винтовкой в руках к холму над городом. Там он и его люди по его приказу заняли оборонительные позиции. Хотя боксеры были вооружены в основном мечами и копьями, у некоторых из них было огнестрельное оружие, а на войне никогда нельзя быть слишком осторожным.

Но когда Бруно взглянул на разграбленную деревню и творящиеся в ней зверства. Даже он задумался о своем бездушном отношении к войне и мирным жителям, пострадавшим от нее.

[От автора (переводчик с этим солидарен): Не принимайте все близко к сердцу, это лишь фантазия автора, которая не отражает реальность].

http://tl.rulate.ru/book/115614/4533790